

Кушнина Людмила Вениаминовна, Голубева Галина Ивановна, Югова Елена Николаевна
ПОВТОРНЫЙ ПЕРЕВОД В СИСТЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье обосновывается необходимость изучения феномена переперевода, или повторного перевода, являющегося неотъемлемым компонентом современного переводческого дискурса. Данная проблема широко дискутируется в исследованиях западноевропейских ученых, в то время как в отечественной лингвистике на нее обращено недостаточно внимания. Предметом исследования является процесс повторного перевода, трактуемый авторами как функция переводческого хронотопа, что согласуется с концепцией переводческого пространства. Цель исследования - выявить функции повторного перевода, проанализировать его предназначение, место и роль в системе переводческого дискурса. Авторы пришли к выводу о том, что с позиций герменевтики повторный перевод исторически обусловлен, что требует его последовательного, систематического изучения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 111-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'25

В статье обосновывается необходимость изучения феномена переперевода, или повторного перевода, являющегося неотъемлемым компонентом современного переводческого дискурса. Данная проблема широко дискутируется в исследованиях западноевропейских ученых, в то время как в отечественной лингвистике на нее обращено недостаточно внимания. Предметом исследования является процесс повторного перевода, трактуемый авторами как функция переводческого хронотопа, что согласуется с концепцией переводческого пространства. Цель исследования – выявить функции повторного перевода, проанализировать его предназначение, место и роль в системе переводческого дискурса. Авторы пришли к выводу о том, что с позиций герменевтики повторный перевод исторически обусловлен, что требует его последовательного, систематического изучения.

Ключевые слова и фразы: переводческое пространство; переводческое время; переводческий хронотоп; темпорально-пространственные смыслы; переперевод; повторный перевод.

Кушнина Людмила Вениаминовна, д. филол. н., профессор

Голубева Галина Ивановна

Югова Елена Николаевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

lkushnina@yandex.ru; annaigor08@mail.ru; annaigor08@mail.ru

ПОВТОРНЫЙ ПЕРЕВОД В СИСТЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Интенсивное развитие переводческого дискурса в исследованиях отечественных и зарубежных ученых привело к расширению его традиционных рамок и представлений, к появлению новых терминов, обозначающих как известные понятия, так и понятия, долгое время находившиеся на периферии научного интереса. К их числу относится понятие повторного перевода, или, что является калькой с французского, «переперевода» («*tetraduction*»). Франкоязычный термин звучит гораздо проще, поэтому российские ученые выбрали термин «повторный перевод», природа которого носит описательный характер.

Исследования повторного перевода в отечественной науке только начинаются [3; 4]. Ниже мы остановимся подробнее на результатах этих исследований.

Настоящее развитие теории повторного перевода (можно предположить, что это будет новым, самостоятельным направлением теории перевода) началось в работах западноевропейских ученых в девяностые годы прошлого века. Одним из основателей данного направления считается А. Берман [6]. Его идеи получили дальнейшее развитие в работах И. Гамбье, Т. Маттоса, Шеврель, Ладмираль и др.

Согласно исследованиям А. Берман [Ibidem], первый перевод произведения является своего рода переводом-введением, а все последующие, повторные переводы представляются ученому как «движение в сторону оригинала», т.к. он нацелен на то, чтобы вернуть в текст то, что было упущено в первом переводе. Ученый справедливо рассуждает о том, что любой перевод характеризуется незавершенностью, и лишь повторный перевод позволяет создать заверченный текст. Кроме того, каждый перевод существует в определенный исторический период, иными словами, в отличие от оригиналов, переводы устаревают. Разумеется, существуют талантливые переводы гениальных авторов, которые не утрачивают своей ценности в течение длительного времени. Вместе с тем принципиальная потребность в повторных переводах существует, что признается многими современными исследователями.

Проблема значимости повторного перевода анализируется в работах исследователей Т. Маттос [8] и М. Пападима [9]. Первый ученый размышляет о том, что практика повторного перевода относится к одному из древнейших видов деятельности переводчика, а теоретическое осмысление данной проблемы является совершенно новым. Решение данной проблемы видится в установлении соотношения между текстом оригинала, текстом первого перевода и текстом повторного перевода. Как поясняет ученый, повторный перевод не является заменой первого перевода, но динамическим перечитыванием, пересозданием как исходного текста, так и его первого перевода: *«Il ne s'agit pas de remplacements, mais d'une dynamique d'ajouts: on ajoute dans l'espace de la traduction une nouvelle interprétation, une nouvelle manière de lire, de réécrire, de retraduire ce texte»* [8, p. 50].

Мария Пападима так объясняет различие между первым переводом текста и его повторным переводом: *«Si la traduction consacre cette relation duelle qui se crée habituellement entre le traducteur et l'oeuvre à traduire et qui rappelle la relation unique de l'auteur avec son oeuvre, le retraduction défait ses liens, dynamite ce sens unique en multipliant les directions...»* [9, p. 59]. / Если первый перевод устанавливает взаимосвязь, которая обычно создается между переводчиком и переводимым произведением, воссоздавая тем самым уникальную связь автора и его произведения, то повторный перевод разрушает эту связь, этот единственный смысл, придавая ему множественные трактовки в самых разных направлениях (*перевод наш – Л. К.*).

Резюмируя результаты вышеизложенных наблюдений, приходим к следующим выводам. Во-первых, возникновение повторного перевода означает сосуществование различных вариантов одного и того же текста, выполненных в разные периоды. Во-вторых, появление повторного перевода можно уподобить сети, находящейся в постоянном развитии: чтение и создание текста перевода может повторяться бесконечное количество раз в зависимости от потребности как читателя, так и переводчика. Из этих положений вытекает важный для нас вывод: необходимо проведение специальных исследований феномена повторного перевода.

Исследуя концепт «повторный перевод», или «переперевод», современные ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, где и когда начинается повторный перевод: начинается ли он с предыдущего перевода или с текста оригинала; нужно ли «забыть» первый перевод и все начинать с нуля, чтобы получить абсолютно новый перевод. Каждый переводчик сам принимает решение.

Обращение к данной проблеме содержится в работах одного из авторов настоящей статьи – Л. В. Кушниной, разработавшей концепцию переводческого пространства. В развитие данной концепции автором высказаны идеи о существовании переводческого времени и переводческого хронотопа как совокупного рассмотрения двух предыдущих категорий. В одной из своих работ, посвященных повторному переводу, автор акцентирует внимание на его механизмах и приходит к выводу, что повторный перевод есть функция переводческого времени [3].

Исследования переводческого хронотопа имеют самое непосредственное отношение к исследованию повторного перевода. Переводческий хронотоп трактуется исследователем как индивидуальная семиосфера переводчика, результат осмысления языковых картин мира родного и иностранного языков с присущими им пространственно-временными характеристиками. В основе рассуждений Л. В. Кушниной – концепция переводческого пространства как синергетическая модель перевода. Как отмечает автор, «переводческое пространство позволяет рассматривать перевод как саморазвивающуюся, самоорганизующуюся систему множества разнородных смыслов, которые должен транслировать переводчик...» [Там же, с. 25].

Переводческое время может рассматриваться под разными углами зрения. С одной стороны, переводческое время является «культурно окрашенным», о чем свидетельствуют работы И. Н. Хайдаровой [5] и Н. Ю. Георгиевой [2]. В своих исследованиях они доказали, что процесс лингвокультурной адаптации смыслов при переводе имеет разные векторы развития, среди которых можно выделить темпоральные маркеры. Достижение качественного, гармоничного перевода требует от переводчика гармонизации темпоральных смыслов, т.е. приращения новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Следующий вектор анализа переводческого времени близок идее повторного перевода: тексты переводов устаревают, а тексты оригиналов не стареют: «рукописи не горят». В связи с этим появляются работы, в которых анализируются переводы, опубликованные в разные исторические периоды: как в эпоху автора, так и в последующие эпохи, каждая из которых создает свои уникальные переводы, которые можно условно назвать темпорально адаптированными.

Изучение переводческого хронотопа позволило автору вышеназванной концепции выдвинуть следующее предположение: «переводческий хронотоп может послужить методологическим основанием теории переперевода» [3, с. 28]. Это означает, что в процессе повторного перевода, или переперевода, происходит актуализация пространственно-временного континуума смыслов, их адаптация к принимающей культуре в данный момент ее существования и развития. При этом переводчики, на наш взгляд, выполняют важнейшую социальную функцию для представителей иноязычной культуры, которая до сих пор не исследована и в недостаточной мере реализована на практике. Если переводчик, выполняющий повторный перевод, актуализирует и реактуализирует исходные смыслы некоторых забытых, устаревших, малопонятных на родном языке текстов, то в родном языке эта функция «провисает». Подтверждением этому являются русские былины, которые будут рассмотрены ниже. Разумеется, у русскоязычных читателей не возникнет проблемы понимания текста в целом, но отдельные лексемы могут вызвать вопросы, т.к. речь идет об архаизмах. Если принять во внимание факт, что былины читают дети, то непонимание усилится. Следовательно, необходима адаптация русских текстов для русских читателей. Но это проблема другого исследования.

Обращаясь к повторному переводу, заметим, что повторный перевод может выполнять двоякую функцию: с одной стороны, он возвращает нас к тексту оригинала, т.е. мы можем воссоздать смыслы, заложенные в текст автором, которые не удалось ранее транслировать предыдущим переводчикам, иными словами, выполняет резистивную функцию. С другой стороны, он нацеливает переводчика на то, чтобы текст перевода был понят и принят потенциальным инофоном, т.е. переводчик выполняет адаптивную функцию.

Посмотрим теперь, как в реальном тексте повторного перевода русскоязычной былины реализуются названные функции.

Предметом нашего анализа стали переводы на французский язык, выполненные французским писателем русского происхождения Антуаном Володиным, который в 1999 г. перевел на французский язык русские былины [7]. Этот анализ мы проводим в русле концепций переводческого хронотопа и повторного перевода. Обратимся к фрагменту оригинала и его переводу.

Фрагмент оригинала

Михайло Казарин

*Сам большой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша бела лебедушка,
Я возьму тебя за больша сына,
Уж ты будешь у меня больша невестушка,
Станешь ключницей, станешь замочницей».
На того девица не послушала,
Плачет девица, как река течет.
Возрыдат красавица, как ручьи бежат...
[Там же, с. 32].*

*Фрагмент повторного (современного) перевода,
выполненного А. Володиным*

Mikhailo Kazarine

*Le grand tatarre consola sa fille:
“Ne pleure pas, ne pleure pas, belle fille,
Ne sanglotte pas, petit sygne blanc.
Tu vas te marier avec mon fils aîné.
Tu seras ma fiancée aînée.
Tu vas garder les clés, tu vas garder les cadenas”.
Mais la fille ne l’écoute pas.
La fille pleure comme la rivière coule,
La fille sanglotte comme les ruisseaux coulent...
[Там же].*

Мы привели современный перевод, который признаем повторным переводом. Мы не нашли информации о том, был ли выполнен первичный перевод, были ли выполнены другие повторные переводы данного текста на французский язык. Вполне очевидно, что перевод вполне отвечает требованиям времени, не отражая, на наш взгляд, «былинного» характера оригинала, а лишь давая франкоязычному читателю общее представление о существовании жанра былины в русской литературной традиции.

Как видим, переводчик поставил своей задачей передать сюжетную канву текста оригинала, не придавая значения самобытности русского фольклора, выраженной в таких лексемах, как «красна девица», «лебедушка», «невестушка» и др., семантика которых нейтрализована при переводе, которые не получили даже адекватного перевода ввиду их отсутствия во французской лингвокультуре. Заметим, что и для русских детей такие лексемы, как «ключница», «замочница», не совсем понятны, поэтому французский переводчик прибегает к описательному переводу, используя выражения «ты будешь хранить ключи», «ты будешь хранить замки». Обратим внимание на номинации, которые использованы в тексте оригинала, обращенные к главной героине: «девка», «красна девица», «красавица», которые при переводе нейтрализуются в одной и той же лексеме «fille», что существенно обедняет перевод.

В целом, согласно выдвинутым выше предположениям, перевод выполняет в данном случае адаптивную функцию. Текст перевода понятен франкоязычным читателям. Но он утратил бесценные качества, придающие тексту высочайшую эстетическую ценность. Данный перевод мы не можем признать гармоничным, т.к. принципы переводческого хронотопа остались, на наш взгляд, нереализованными. Можно ли сказать, что переводчику удалось актуализировать или даже реактуализировать исходные темпорально-пространственные смыслы? Вероятно, нет.

Напомним, что в переводческом пространстве, выступающем методологическим основанием исследования, мы вычленим три поля, условно обозначаемых как текстоцентрические, и три поля, обозначаемых как субъектоцентрические. Обратим внимание на вторую группу, которую образуют следующие поля: поле автора, поле реципиента, поле переводчика. Поясним также, что гармоничный перевод есть результат синергии смыслов всех полей переводческого пространства. При этом поля переводчика и реципиента акцентируют идею того, что ни один переводчик не сможет полностью, идентично, без минимальных смысловых потерь передать заложенный автором смысл. Иными словами, расхождения в смысловом отношении между полями автора и переводчика неизбежны. Вместе с тем недопустимы и искажения авторских смыслов. В своих предыдущих работах мы описали возможные типы смысловых отношений между текстами оригинала и перевода: дисгармония (переводческие ошибки, искажения смысла, погрешности), адекватность (межъязыковые словарные соответствия), эквивалентность (межъязыковые трансформации), гармония (межкультурные преобразования как результат синергии гетерогенных смыслов всех полей переводческого пространства).

Ясно, что смыслы полей автора, переводчика и реципиента существенно отличаются друг от друга, т.к. переводчику не удалось гармонизировать их, вызвать у читателя те же ассоциации, которые возникают в сознании носителя русского языка при чтении былины. Несмотря на наличие объективных трудностей перевода данного текста (большое количество архаизмов, устаревших реалий и пр.), мы отмечаем элементы дисгармонии, вызванные непониманием переводчиком исходных смыслов, что привело к их искажению.

Анализируя данный повторный перевод, мы солидаризируемся с мнением основателя исследуемой концепции А. Берманом [6], который видел значимость первого перевода в том, что он лишь вводит текст в систему принимающей культуры, а повторные переводы являются движением в сторону текста оригинала. Можем выразить надежду, что вслед за этим переводом появятся другие повторные переводы русских былин на французский язык, а французские читатели по достоинству оценят древнее творчество русского народа.

Здесь уместно напомнить рассуждения Э. Бетти, итальянского философа, касающиеся герменевтических проблем истолкования и интерпретации текста. Ученый вводит понятие «историчности понимания», подразумевая под данным термином «историческую обусловленность всякого процесса истолкования» [1, с. 85]. Представляется, что применительно к изучению феномена повторного перевода эта мысль является актуальной. Если перевод в принципе есть результат понимания текста, то его понимание переводчиком также исторически обусловлено: каждая историческая эпоха диктует свой образ понимания иноязычного текста, и этот образ понимания не является застывшим, он меняется вместе с той эпохой, которую представляет переводчик, исполняющий определенный социальный заказ.

Завершая, подчеркнем, что переводческий дискурс, включающий в себя, среди прочих, создание повторных переводов и теоретический анализ созданных повторных переводов, заслуживает специального рассмотрения, и эта проблема вызывает глубокий научный интерес мирового переводческого сообщества.

Список литературы

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
2. Георгиева Н. Ю. Типы адаптации темпоральности при переводе текстов деловых переговоров в учебном дискурсе // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (17). С. 53-59.
3. Кушнина Л. В. Повторный перевод как функция переводческого хронотопа // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 25-30.
4. Кушнина Л. В., Аркееева А. Н. Динамика пространства перевода: от повторного перевода к переводческому хронотопу // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции (г. Челябинск, 20-22 апреля 2016 г.) / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Энциклопедия, 2016. Т. 1. С. 409-413.

5. **Хайдарова И. Н.** Сопоставительное исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 224 с.
6. **Berman A.** La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 1990. № 4. P. 1-9.
7. **Lepilova M.** Un voyage post-exotique // Иностранные языки в школе. 2005. № 16. С. 31-32.
8. **Mattos T.** Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent // Atelier de traduction. 2015. № 23. P. 41-51.
9. **Papadima M.** La pulsion du traduire, impulsion du retraduire // Atelier de traduction. 2011. № 15. P. 53-60.

RETRANSLATING IN THE SYSTEM OF TRANSLATION DISCOURSE

Kushnina Lyudmila Veniaminovna, Doctor in Philology, Professor

Golubeva Galina Ivanovna

Yugova Elena Nikolaevna

Perm National Research Polytechnic University

lkushnina@yandex.ru; annaigor08@mail.ru

The article substantiates the necessity of studying the phenomenon of retranslating, or repetitive translation, as an integral element of contemporary translation discourse. The problem is widely discussed in the researches of West European scientists by contrast with domestic linguistic works where it is paid little attention to. The research subject is a process of retranslating interpreted by the authors as a function of translation chronotopos that is in harmony with the conception of translation space. The research purpose is to reveal the functions of retranslation, to analyze its mission, place and role in the system of translation discourse. The authors make the following conclusion: from hermeneutics positions retranslation is determined historically and it demands its consistent and systematic study.

Key words and phrases: translation space; translation time; translation chronotopos; temporal-spatial meanings; retranslating; repetitive translation.

УДК 8

Статья посвящена изучению функционирования родительного падежа в современном немецком языке. Ее актуальность обусловлена интересом к исследованию функционирования родительного падежа в немецком языке с целью выявления изменений грамматического строя современного немецкого языка, а также изучением процесса вытеснения родительного падежа другими падежными формами. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые предпринята попытка системного изучения и анализа проблемы вытеснения генитива во вторичной синтаксической функции формами дательного падежа.

Ключевые слова и фразы: генитив; глагол; родительный падеж; винительный падеж; дательный падеж.

Левковская Оксана Анатольевна

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Oksana.85.07@mail.ru

ГЕНИТИВ КАК «ОТМИРАЮЩИЙ» ПАДЕЖ

Движение языка проявляется на всех его уровнях. Падежная система в немецком языке развивалась в течение длительного времени вместе с развитием всего грамматического строя языка. В процессе развития происходили определенные изменения в структуре и значении падежей. Поэтому современное состояние падежной системы немецкого языка является результатом длительного исторического развития, оказавшего огромное влияние на количество, структуру, значение и употребление падежей.

«Язык не есть нечто существующее только в пространстве, как бы ряд отражений одной и той же вне-временной картины мира в различных сознаниях. Язык движется во времени по своему собственному течению. Язык дрейфует» [3, с. 140].

В ходе изменения грамматического строя немецкий родительный падеж испытывал существенные изменения. В древневерхненемецкий период сфера употребления генитива значительно разнообразнее в сравнении с современным немецким языком. В средневерхненемецкий период родительный падеж использовался еще шире. В новеверхненемецкий период (XVIII-XX века) родительный падеж продолжает играть большую роль в группе существительного.

В настоящее время ряд ученых считает, что в современном немецком языке генитив оттесняется, и его позиция непрочна и постепенно заменяется другими конкурирующими с ним формами, отмечая при этом, что родительный падеж в функции определения, как и в других своих функциях, существует в немецком литературном языке лишь как пережиточное, искусственное явление, обреченное рано или поздно на уничтожение.

Как показывает анализ фактического материала, имеется ряд существенных оснований, чтобы продемонстрировать, что родительный падеж в подавляющем большинстве немецких диалектов вытеснен полностью или существует лишь в застывших оборотах. Кроме того, родительный падеж почти полностью чужд и обиходно-разговорной форме литературного языка, являясь, таким образом, принадлежностью лишь письменных форм литературного языка и более высоких форм устной разновидности литературного языка.